

⁴⁶ Березкин Ю. Указ. раб. С. 58.

⁴⁷ Там же. С. 56–60.

⁴⁸ Асоян Б. Все еще удивительная Африка. М., 1987. С. 128.

⁴⁹ Березкин Ю. Указ. раб. С. 62.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Антонова Е. Указ. раб. С. 5.

⁵² Березкин Ю. Указ. раб. С. 48.

⁵³ Антонова Е. Указ. раб. С. 6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Рукопись Н. Брюлловой-Шаскольской. Л. 4.

⁵⁶ Решетов А.М. Народы Передней Азии и их этикет // Этикет у народов Передней Азии. М., 1968. С. 3–4.

Ch.D. E s e n o v. «Gurdjak Oiny» – the Cult Fertility Dance

The author of the article underlines that the mystery and desultory in formation about «Gurdjak Oiny» dance, couldn't find analogies among the known genres of Turkmen folk. In connection with it the author tries to give the decoding the ghe interpretation of field materials about this folk dance.

The author comes to the conclusion that «Gurdjak Oiny» consists of archaic cult theater elements as a moldel of relic ancient culture.

© 1998 г., ЭО, № 2

Г.В. Ц у л а я

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ АГИОГРАФИИ: «МУЧЕНИЧЕСТВО ЦАРЯ ЛУАРСАБА» (этнокультурный аспект)

История общественного и культурного развития Грузии сложилась таким образом, что в ее литературной жизни агиографический жанр, в частности, мученичества (мартирологи) продолжал жить даже в Новое Время, когда в Европе, в том числе и России, ему уже не было места¹. Еще до окончательной ликвидации в середине XV в. главного очага православия – Византийской империи – критический этап культурного развития грузин достиг своего апогея. По словам грузинских историков позднего средневековья, лишь в одной Картли продолжало существовать православие. Вся страна оказалась во власти исламских завоевателей. На протяжении XIV–XV вв. произошел провал в культурном развитии Грузии. «Со страшным государственным крушением, вызванным монгольским нашествием и послужившим чудовищно зияющей гранью между древнею и новою Грузиею, пошла ко дну почти вся древне-грузинская литература», – писал лучший знаток проблемы².

Но с течением времени никогда до конца не замиравшая литературная жизнь грузин стала давать свои плоды. Так наступила эпоха грузинского Возрождения XVII–XVIII вв., связанная с изменениями внутри страны и международной обстановки того времени. Особое значение имели рост Русского государства и восстановление с ним связей отдельных грузинских царств и княжеств, прерванных монгольским господством.

В этот период на поприще науки и литературы в Грузии выступает целая плеяда ученых и писателей, в новых исторических условиях стремившихся продолжить культурные традиции прошлого. Они, словно предвидя неизбежный конец Грузинского царства, «...спешили завещать потомству доступную им реальную яркость и глубину

патриотического воодушевления, передать заветные, веками выношенные мысли тем, которые должны были стать на смену им на страже культурных интересов грузинского народа»³.

Одним из деятелей, поставивших перед собой такую цель, был католикос грузин Виссарион (груз. Бесарион, ум. 1738), сочинение которого «Мученичество царя Луарсаба» посвящено драматическим событиям, связанным с борьбой народов Закавказья против шаха Ирана Аббаса I в начале XVII в. Виссарион принадлежал к видному в средневековой Грузии роду, давшему своему отечеству целую когорту государственных и общественных деятелей. Как пишет Виссарион в приписке к одному из своих произведений, он был «родом Бараташвили из колена Орбелишвили»⁴. Послестрижения в монахи он подвизался в известной еще с раннего средневековья Давид-Гареджийской пустыни (в Восточной Грузии), где вел аскетический образ жизни, чему и соответствовали его интересы переписчика общехристианских памятников именно аскетического направления⁵.

Содержание «Мученичества царя Луарсаба» коротко сводится к следующему. Начинается оно с типичного для агиографических произведений энкомия, смысл которого заключается в актуальном для Грузии времени написания публикуемого мартиролога прославлении христианства и призыве следовать по проторенным мучениками путям во славу и спасение христоролюбивых душ, а также в обосновании права царя Картли Луарсаба на сопричастность его сонму древних мучеников. Из этого исходит вся дальнейшая идеализация этого вполне реального героя, известного и по другим синхронным источникам. Согласно правилам жанра, упоминаются и родители героя – «богоролюбивый царь, коего именовали Георгий, а мать звали Тамар». При всей историчности конкретных лиц и фактов они втиснуты в обычные для агиографии формы повествования.

За рассказом об идеальных родителях следует сообщение об идеальном детстве самого героя, естественно, одаренного также и незаурядной внешностью: «Взрастили его богогодники царские учительством своим и паче в служении ко Господу» и т.д., а также научали его воинскому искусству.

Это был период, когда «множество злобствующих восстали на Грузию». В начале правления Луарсаба турки устроили набег на Картли, судя по произведению, силами крымских татар («крымцы»). В описании этого события агиограф передает некоторые подробности, имеющие немаловажное значение для воссоздания общей картины того времени. В связи с этими событиями в сочинении Виссариона впервые появляется пришедший на помощь Луарсабу противоречивый соратник грузинских царей Георгий Саакадзе («Георгий сын Саака») – «мужественный ратник и бесстрашный помыслами, который храбростью и отвагой наипаче превосходил всякого человека». В результате произошла жестокая битва, в которой грузины обратили неприятеля в бегство «так, что татары не были в состоянии повернуться лицом к грузинам».

За описанием этого события следует основной сюжет сочинения Виссариона – война против Грузии иранского шаха Аббаса (1587–1629), который «... в великом гневе неистовствовал на грузин и желал полного истребления христианства». Как и его предшественники, агиограф Виссарион расценивает нашествия иноверных государств на Грузию как войну против христианства вообще.

Шах потребовал у Луарсаба его красавицу сестру себе в жены. Строгости христианских предписаний для таких случаев оказались тщетными, и картлийский царь удовлетворил требование шаха. Но когда последний потребовал и вторую сестру, потому что многоженство «нечестивым их законодателем было учреждено», то Луарсаб «и на слух не воспринял столь непотребное дело» и спешно выдал ее в жены кахетинскому царю Теймуразу I.

Повод был налицо, и шах двинулся к рубежам Картли. «И постиг страх великий Грузию, ибо никому не было в силах противостоять ему». Кахетинский царь Теймураз отправил навстречу шаху мать и двух своих сыновей «с бесчисленными дарами и просил защиты и мира стране своей». Шах пленил их, царевичей оскопил, а царицу-

мать, известную в истории Грузии поэтессу⁶, отправил в Шираз и подверг ее там мучительной смерти.

Персы разорили Кахети. Цари Луарсаб и Теймураз бежали в Имерети. Шах вступил в Картли, но не стал ее разорять. Агиограф уверяет, что целью иранского правителя было пленение Луарсаба и поэтому он регулярно посылал к нему своих скороходов с призывом явиться к нему в стан, взамен же живо обещал сделать его царем едва ли не всей Грузии, защитить от возможных опасностей, а также возвести в высокий сан в ряду своих придворных и т.д. Видя, что картлийский царь упорствует, шах пошел на хитрость: с целью натравить друг на друга Луарсаба и Теймураза он написал обоим провокационные письма. Но коварство не удалось: грузинские удельные цари обменялись адресованными им письмами шаха, и это еще больше сплотило преследуемых.

Луарсаб и его придворные хорошо представляли себе то бедствие, которое могло навлечь ослушание. Чтобы не дать повода персам разорить Картли и истребить ее население, Луарсаб решил явиться к шаху, «добровольно отдал голову свою, дабы спасти страну свою с миром». В стане шаха его встретили с лицемерным благожелательством. После долгих, но тщетных уговоров отречься от христианства и перейти в ислам он был задушен в темнице лучной тетивой.

Выбор католиком Виссарионом сюжета своего сочинения должен свидетельствовать о том, насколько оставались живыми в XVIII в. раны, нанесенные иноземными нашествиями XVII в. С этим были связаны тенденции и характер литературного процесса. Решение духовных проблем пока еще не было свободно от сугубо религиозной традиции Средневековья. Венценосный поэт и дидактик Арчил II (1648–1713), несмотря на свое светское мировоззрение, поучал о первостепенной важности богослужения и необходимости усвоения Божественных писаний⁷. Иноземцы из Западной Европы, проживавшие в Грузии католические миссионеры, особо отмечали повсеместное распространение здесь наряду с произведениями светского содержания и Священных писаний. «У них много книг, – писал де Каstellли о грузинах, – но все в виде рукописей, среди которых есть книги Священных писаний (как у нас) (жития) святых отцов греческих; древнейшие Каноны; книги о рыцарях, а также книги сказок и поэзии»⁸.

В литературной жизни Грузии первой половины XVIII в., как выше отмечено, агиография занимала важное место. В этот период она проявила историко-литературную преемственность с жанровыми особенностями раннего средневековья. Еще в начале указанного столетия были попытки создания особого свода новых грузинских мартирологов⁹.

Поэтому вполне симптоматичны уже первые слова из сочинения главы грузинских иерархов: «Поминание святых – боголюбивым радость сущая, ибо ненасытно их желание в них...» и т.д. Это вполне осознанный призыв к восстановлению в народе памяти о святых мучениках, положивших головы и души за православие в условиях почти полного господства в их отечестве агрессивных иноверных государств.

Как образованный церковник, католикос Виссарион строго и сознательно следовал общепринятым канонам богатой в Грузии агиографической традиции. Подчеркивается библейская генеалогия Багратида Луарсаба, восходящая (согласно легендам Грузии, Армении и Византии) к древнееврейским Пророкам и обусловившая особое предназначение грузинского царя на поприще борьбы за христианство; нравственное бессилие иноверных мучителей Луарсаба; идеально коррелирует житие с древнегрузинскими мартирологами и стилистически, что соответствовало требованию жанра. Посвященное реальным историческим событиям сравнительно недавнего прошлого, освещенным и в других источниках, «Мученичество царя Луарсаба» содержит сведения и о таких фактах, которые не попали в поле зрения современных Виссариону историков, писавших о тех же событиях.

«Мученичество царя Луарсаба» – агиографическое произведение лишь по форме, по существу же это, безусловно, историческое сочинение и ретроспективно под-

тверждает мысль о возникновении древнегрузинской исторической литературы из агиографического жанра¹⁰.

Одержав решительную победу над главным своим соперником – Османской Турцией, – шах Аббас приступил к окончательному порабощению стран и народов Закавказья, приносивших немало хлопот всемогущему и жестокому повелителю Ирана¹¹. Поэтому естественно, что Виссарион, будучи агиографом-реалистом с историческим чутьем, не ограничился описанием переживаний одного лишь грузинского страстотерпца. В сочинении говорится о подвигах представителей народных масс многоэтнической Грузии против общих для них завоевателей. Это не только грузинский простолудин Свимон (исторически более достоверное имя Теодорэ), совершивший подвиг, подобный деянию русского крестьянина Ивана Сусанина, но и безымянный старец армянин, благодаря героизму которого были спасены от неминуемой гибели в схватке с «крымцами» царь Луарсаб и его придворные. В этой связи обращает на себя внимание и примечательная оговорка при упоминании среди чуждых народам Кавказа «восставших на Грузию» и племен овсов, названных автором «нашими ближайшими горами». На XVII – начало XVIII в. падает время наиболее интенсивной миграции осетин с Северного Кавказа и седиментации их в Грузии.

* * *

Сведения о царе Луарсабе II зафиксированы и в других источниках. Особенно обстоятельно о нем писал историк Бери Эгнаташвили (первая половина XVIII в.), пользовавшийся источниками, неучтенными автором жития. Разночтения в произведениях этих авторов обстоятельно разобраны К.С. Кекелидзе¹² и поэтому я не стану на этом подробно останавливаться. Замечу лишь об одном обстоятельстве, связанном с замыслом католикоса Виссариона.

К царю-изгнаннику в Имерети явились посланники шаха Аббаса с «просьбой» явиться к нему. Но Луарсабу «стали советовать государь Теймураз и все имеретины, (говоря), что кызылбаши люди многолживые и коварные и, мол, предадут тебя, и не иди». Но Луарсаб после размышлений «не внял им и пошел» и т.д.¹³. Об этом писал и армянский историк XVII в. Аракел Даврижеци (хорошо осведомленный о событиях современной ему Грузии), очевидно, отражая настроения широких масс, которые и выразил Луарсаб. По словам Аракела, жители Картли боялись, что их царь Луарсаб не явится к стоявшему в Картли правителю Ирана, «и, мстя за это, шах прикажет войскам своим разграбить и заполонить страну, подвластную Луарсабу»¹⁴. В тексте публикуемого ниже жития этот эпизод описан несколько иначе. Сам факт, естественно, не искажен, но расцвечен в соответствии с замыслом агиографа. Говоря о «просьбе» шаха Аббаса придти к нему в стан, католикос Виссарион приписывает своему герою такое размышление: «Ведомо мне, что он лживо настаивает на всем этом и замыслил вероломно пленить меня. Но ежели не повиниться и в безопасности защитить только себя, какая в том польза, и погибнет страна моя и разорятся церкви, мне смерть лучше такой жизни...» и т.д.

Вахушти Багратиони также передает «слова Луарсаба» в описанной ситуации. Пришедший от имени шаха Аббаса известный грузинский ренегат Шадиман Бараташвили убедил картлийского царя предстать пред шахом. Но этому противостояли государи и вельможи имеретинские. Однако Луарсаб не внял им: «Ежели я не пойду (к шаху), разворошит он страну мою и разорит. Какое мне в этом благо?»¹⁵. В данном случае грузинские авторы эти слова (в соответствии с аналогичной ситуацией) перенесли на своего героя из истории подвига грузинского царя Димитрия (казнен в 1286 г.), в истории Грузии прозванного Самопожертвователем. Царю Димитрию, за провинность вызванному в ханскую ставку, его вельможи советовали не идти и скрыться в неприступных горах своего царства. На это самоотверженный правитель отвечал: «Ежели мне не отправиться в Орду и скрыться в горах и твердыхнях и отстоять голову мою, то вот!... взгляните, сколько душ христианских будет предано

смерти и отдано в полон, и осквернятся церкви и разорятся, и перебьют иконы и кресты...» и т.д.¹⁶.

Перед нами подчеркнутое стремление ученого агиографа Виссариона представить своего героя в лучах отраженного света героической личности родной ему истории. Образ самоотверженного царя Луарсаба никогда не мерк в памяти, как видно, не одной только грузинской общественности, и всему, что о нем говорили, а затем и писали, повод давал сам факт его героического подвига.

Нашествия персов на Грузию были обусловлены рядом причин и одной из главных была новая ориентация различных грузинских царств и княжеств на Русское государство после падения Византийской империи в середине XV в. и особенно после ликвидации монгольского господства на Руси¹⁷.

Этнокультурная значимость текста многопланова. Это и отчетливое представление о ценности родной культуры, об этническом единстве своего народа, и осознание общности интересов с другими христианскими народами (которое выражается в патриотическом поступке старца армянина), и в растущей тенденции к ориентации на Россию, столь раздражавшей иноверческих соседей Грузии.

Перевод «Мученичества царя Луарсаба» осуществлен по тексту: Хрестоматия по древнегрузинской литературе. Т. I. Сост. С.И. Кубанейшвили Тбилиси, 1946. С. 407–416 (на древнегруз. яз.)

Перевод с оригиналом сверила М.М. Бердзнишвили, за что приношу ей искреннюю благодарность.

I. Поминание святых – боголюбивым радость сущая, ибо ненасытно их желание в них, ибо и они ненасытно любовь ко Господу были огненно пламенны, потому и стерпели нестерпимые мучения и Промыслом Божиим дерзнули недостойную и смертную плоть свою поставить превыше огня и меча. И ныне наполнена бессмертием память о них, яко глаголит Премудрый Соломон, и восхваляющие их с усердием и сами наполняются бессмертием и вечной жизнью, ибо истоки бессмертия и жизнь беспредельная поселена между ними. И ждеть Он кого-либо раба Своего, достойного Его восхваления и славы, ибо мученики собственные рабы Его, не то, что рабы, но други Его собственные и верные, как глаголит Истина Премудрая к ученикам Своим, а именно: «Вы есте други Мне, ибо не назову вас рабами, но друзьями». И затем глаголит: «Не об этих только я говорю, но и обо всех, которые уверовали в Меня словами своими».

Зрите ли вы, верующие, величие их даров?! Узрите бездну непостижной Его благодати и человеколюбия, так возлюбил сладостный Владыка нас – отступников и проклятых рабов, заслуживающих лишь всякого наказания, недостойных быть даже рабами рабов, отныне обратил в друга и сопричастника Царства Своего, нас – людей из праха и в прах же обращенных и превратил он нас в граждан Небес, ибо говорит: «Отче, желаю, чтобы служители Мои были там, где Я». Посему, что же удивительного, что мученики, хотя не вполне принимали благодостный Завет, которым свыше преисполнено всякое сознание. Ибо там, где властвует Владыка, которому поклоняется превеликий Сонм ангелов, там и служители Его. Ибо крови свои растворили в крови Владыки и души свои положили за Него. И отныне стали сопричастниками Ему и сонаследниками. Поэтому и нас сделали должниками и подъяли и удостоили нас славить и хвалить подвиги и подвизания их.

Ибо кто столь достоин прославления и всяких почестей, как сей наш славный мученик, сия новая жертва и добровольное всесожжение, умаленные беды Христа восполнивший плотью собственной, и стал соотнесен к полноте мучеников. Ныне повествую это наше (слово) о взошедшем в нашей стране из царских корней и по Царскому пророчеству в царственном венце и паче благолепном в богослужении, а теперь подвигами мученичества украшенном царе Луарсабе, прекрасном и сиятельном в нетленном блеске венца.

II. Он был сын боголюбивого царя, коего именовали Георгий, а мать звали Тамар. Он был у них один при двух дочерях. Из сих богоугодных корней взошел сей

святой и две дочери, как я уже говорил спервоначала. Первую (дочь) звали Елена, а младшую Хуаранша. Из него и его благоверной супруги взошли трое, трое блистательных и бесподобных добродетелями паче человеков той поры, как все о том сказывали. Но более говорили о прелестях и блеске внешности и красоте стати сего желанного. А взрастили его цари богоугодники в доброй учености и паче в служении ко Господу. И научали его учению по всем богодухновенным писаниям, что было свойственно твердости веры их. Не оставили его и без внимания к мирскому и воинскому обучению и сноровкам, ибо все сполна накопил в себе сей желанный еще в пору малолетства. И так в приумножении том возрастал мудростью и статью пред Богом и людьми. И когда преставился отец сего желанного царь Георгий, а царица Тамар была преставлена прежде, оставил он его в сиротстве совместно с двумя дочерьми. Когда умирал царь Георгий, призвал он сына своего Луарсаба, помолился о нем и благословил всем благословением и возложил на него царский венец и поручил ему, желанному, правление царством, а сам сопричислился пращуром своим.

III. И как ведомо вам всем изначальные вражда и насилие персами Грузии, под (гнетом) великой дани и засилия пребывали грузины. В ту пору появился среди персов шах Аббас неверный, овладевший царством Персидским, ибо был он человек злодей и стяжатель всякой злобы и коварный. Покорились ему многие области и роды, окружающие его. Тогда же и грузин он стал с большим насилием теснить. А желанный сей царь покуда был юн и неопытен и не было у него никакого споспешника и соратника, ни брата, ни каких-либо своих родственников. Поэтому пребывал он в великих заботах, ибо множество злобствующих восстали на Грузию. Вначале османы, которые покорили царство Греческое, затем персы и затем ближние наши горцы из овсов, которые, поселившись вблизи от нас, причиняли много вреда нам, ибо с наступлением лета и до зимы убивали и полоняли нас явно и тайно. Вот такой бедой были окружены грузины.

В ту пору, когда султан снарядил большую силу на Вавилон, его сопровождало татарханово воинство, которые суть крымцы. И решили бывшие там татархановцы, около сорока тысяч отборных воинов, идти на Грузию и полонить ее и истребить сполна и вернуться обратно, наполненные плененными и добычею, ибо бесцарственной представлялась им Грузия, а об юноше этом им ничего не было ведомо, ибо, как я уже говорил, был еще юн сей желанный.

Они же приблизились незаметно. Царь стоял в местечке Цхирети, в малой крепости и с малым (количеством) людей и ни о чем не ведал. Была майская весенняя пора, когда все это происходило. Потому как земли Абоци, Ташири, Джавахети и Триалети со всеми окружающими их областями в ту пору были полностью разорены и не обустроены людьми, поэтому-то и прошли они эту местность незаметно, прошли Триалети и достигли Манглисского ущелья. Но по Промыслу Всевышнего, не заметили величественную Манглисскую церковь Богородицы, ибо ее покрывали столь густые тучи и туман, что проходившее мимо нас многочисленное воинство не увидело ни церкви, ни деревни.

А вблизи нее есть малое местечко, которое называется Квелта. Схватили они некоего старца из того местечка по имени Свимон и силой забрали его, чтобы тот указал им месторасположение царя. Но этот старец желанный избрал смерть выдаче царя и полному обречению Грузии. И возглавил старец их и повел их по бездорожным местам. Взшел на гору и сбил их с пути, действительно ведущего в Цхирети. И повел их и завел в ущелье Ркони, по трудному, узкому и скалистому пути. И в шестви том многие лошади и люди попадали со скал и теснин и погибли. И люди сии знатные, узрев себя столь обманутыми и стесненными, схватили того старца и отрубили ему голову. А сами прошли Тедзмийское ущелье и с большими трудностями и лишениями вышли и рассеялись по Доесийской долине и разбрелись по всем местностям, как это и происходит с несведущими в путях. Тут река Кура весьма увеличилась и потому было невозможно ее перейти. И когда они в суете и в совершенном заблуждении искали себе дорогу, то тут же увидели в дали некоего старца на Доесийской равнине,

уплисицхского армянина. Пустились бегом за ним, дабы схватить и выпытать дорогу, ведущую (к стоянке) царя и грузин. Увидя большое войско, словно саранча во множестве покрывшее равнину, старец пустился от них наутек и успел (взбежать) на уплисицхский мост и начал разбирать его и (доски) сбрасывать в реку. Подошли татары, сгрудились у моста, но не смогли пройти. Затем вернулись и вновь покрыли собой ту же Доесийскую долину. А армянин же, старец, спешно явился и распространил весть об этом среди грузин по ту сторону Куры, чтобы спешно отправиться к царю.

Царь же, расположенный в Цхирети и там же находившиеся грузины, видя такое множество (неприятельского) войска, опешили от столь неожиданного обстоятельства, ибо царь стоял лишь с малым количеством придворных людей. Потому-то и охватило их бессилие. Но в надежде на Бога и в уповании на Всесвятую Богородицу (царь) вынес лучшее из решений, приличное его мужеству и благодати его. Не счел он нужным бегство, ни сокрытие в крепости, а стремглав отправил гонцов, чтобы спешно пришли в Тасискари к Ахалдабскому мосту. А моурав Георгий, сын Саака, сей мужественный ратник и бесстрашный помыслами, который мужеством и отвагой наипаче превосходил всякого человека, примкнул к царю, и они явились туда. И войско татар отправилось туда же, ибо идти иным путем им было невмочь из-за разлившейся реки и незнания дороги. Грузины же располагались по ту и по сю сторону (реки). И произошла битва жестокая и стали истреблять и уничтожать и повергать татар, так что татары не были в состоянии повернуться лицом к грузинам. Вот такую победу ниспослал Господь блаженному сему царю и грузинам, и невзирая на численное превосходство татар едва ли не полностью уничтожили их, повергли и затем стали преследовать. А большинство их утонуло в реке – отборные кони и всадники, подобно оным египтянам, а те, что остались на суше, достались малым отрокам и женщинам, которые отборных этих всадников хватали живыми, таскали их и волокли. И сполна истребили так, что говорили, что от такого их войска (спаслись) бегством, примерно, четырнадцать человек, и имена их исчезли полностью, а у грузин не было ни одной смерти.

IV. Тут мы вернемся к прежнему нашему слову, нами прерванному. Ибо шах Аббас, сей безбожный царь персидский в великом гневе неистовствовал на грузин и желал полного истребления христианства. Тогда с коварной целью потребовал у желанного сестру его по имени Елена, потому как был насышан о благолепии и безмерном благородстве ее. Ибо сей насильник мыслил, что (царь) не отдаст ее по причине христианства. Но царь, потому как не было сил, выдал ему ее с великим почетом и по царскому чину и в надежде на сотрудничество и защиту страны своей. Но у того вновь накопилось в сердце его беззаконие, и льстил себя стяжать по беззаконию своему. И вновь, спустя немного (времени), стал требовать в жены и вторую его сестру, которую именовали Хуаранша. Но для христиан и слышать о подобном было невмоготу, хотя нечестивым их законоположителем было так учреждено. И это он сделал тем паче, что был сведущ, что такой порядок был чужд среди христиан. А сей желанный и на слух не воспринял столь непотребное дело, но спешно сосватал ее кахетинскому царю Теймуразу и выдал ее ему в жены. Услышав об этом, насильник и изверг преисполнился сердечной злобы и искал удобного часа, чтобы отомстить обоим царям. Ибо изначально насажденные (в нем) месть и коварство по причине этой отныне стали явными.

V. Тогда собрался он с силами великими и воинством бесчисленным и достиг рубежей Картли и пришел в Гандзу и стоял некоторое время в этом городе Гандзе. И постиг страх великий Грузию, ибо никому не было в силах противостоять ему. А царь кахов отправил встречать его мать свою и двух сыновей с бесчисленными дарами и просил защиты и мира стране своей. А он, неверный, обещал мира, а во гневе помышлял о коварстве. Лгал он в клятве, которою поклялся. Схватил блаженную царицу и отправил ее в город Шираз и там держал в полоне, и сыновей его обоих оскопил. Затем вторгся в Кахети и стал ее жечь, рушить и разорять и обезлюдил всю Кахети.

А цари Теймураз и Луарсаб бежали в Имерети и пребывали там долгое время, ибо и время того разора продлилось. И сполна истребив Кахети, вступил он в Картли, но не так, как в Кахети, а мирно пришел, обезопасил и защитил рубежи Картли. Ибо как я (о том) говорил, царь картлийский скрывался в Имерети. Но его, неверного шаха Аббаса, весьма озаботило бегство царя из рук его. Обошел Картли и разбил стан близ Имерети в деревне Али. И вознамерился, каким-нибудь образом прибрать сего желанного. И с подношениями и дарами многими и большими посылал он (людей своих) к сему блаженному и словами лицемерными сулил превеликих даров и почестей, дабы повиновался и явился к нему, и постоянно писал ему так: «Ежели ты придешь ко мне, я сделаю тебя сыном моим любезным и верным другом и дам тебе твои же царства: Картли, Кахети и Самцхе и не помяну о вере твоей; веди себя по собственному волеизъявлению и все владения мои будут завидовать и покоряться тебе, ибо весьма люблю тебя за родовое благородство твое, ибо ты из рода Пророков. И опять же из-за благодетелей твоих и благолетия твоего изволю лицемерить тебя. А страну Теймураза Кахети я разорил потому, что непокорен он был воле моей и был другом кесаря, поэтому я в сердце моем возненавидел его. Но ежели ты повинишься мне и явишься ко мне, сделаю тебя вельможей и соучастником царствия моего установлю и все повинятся тебе». Такими и подобными посулами лгал этот царь лжеверный. И затем же говорил: «Ежели же не повинишься и не внемлешь мне, я также сделаю врагом тебе и разорю страну твою, как разорил я Кахети, и превращу ее в безлюдную».

Слыша все это, блаженный царь размышлял в себе и с приближенными своими: «Ведомо мне, что он лживо настаивает на всем этом и желает вероломно пленить меня. Но ежели не повиниться и в безопасности защитит только себя, какая в том польза, и погибнет страна моя и разорятся церкви. Смерть мне лучше такой жизни. Хотя у персов лживость в порядке и паче вероуложение их от лжепророка, но я повинуюсь ему и приду к нему и коли исполнит свое обещание в твердой защите веры моей, утвердит мне царство мое и страну же мою невредимо защитит». Сказал он это и ушел из Имера и прибыл к шаху Аббасу, ибо был он расположен станом между Али и Набахтеви. Когда же лукавый насильник узрел сего блаженного царя, весьма возрадовался, потому как исполнилось желание его. Дивился благородству его и благолепию лика его и совершенству стати, и многими почестями и обильными дарами почитил.

VI. Затем насильник двинулся отсюда и пошел к низу и появился в Тбилиси, (Луарсаб) же был при нем. И говорил он лукаво сему святому: «Поедем со мной до города Тбилиси, чтобы радоваться нам вместе и веселиться и затем прими все царство твое, а меня отпусти в мое царство, ты же мирно и своевольно царствуй в стране твоей». Но затем, когда достигли города Тбилиси и пробыли там несколько дней, вновь стал с лукавой лаской понуждать проводить его (далее) вниз до рубежей Грузии. И в таком лицемерии не отпускал его и говорил: «Хочу поглядеть на охоту в Карая, по каким это правилам проводите вы охоту в тех местах. Поедем туда и затем отпущу тебя с миром». И сопровождая его, начали охотиться, а шах Аббас якобы по случаю охоты подарил блаженному стрелу. Когда же завершилась охота, тот же безбожный шах Аббас ночью велел вору и своровали ту стрелу у богоугодного царя. А шах Аббас якобы весьма опечалился и счел это оскорбительным для себя. Отправил сторожевых и поставил их вокруг шатра святого, якобы для защиты от (возможных) похитителей. А в сердце его было лукавство – не выпустить святого из рук своих. Святой сердцем понял его вероломство. Стал печалиться и тужить, ибо не было сил вырваться из рук его. И добровольно отдал голову свою, дабы спасти страну свою с миром и, если на то будет воля Божия, украситься мученичеством. Молился желанный в слезах и стенаниях и говорил: «Владыко, Иисусе Христе, Бог мой, ведомо Тебе, что у меня нет никого, кроме Тебя, ни отца, ни матери, ни братьев и никого нет вне Тебя и присного Отца Твоего и беспредельного всесвятого Духа Твоего, которые из ничего сотворили все сущее, явное и тайное и силою Твоею держишь все тварное и знаком Твоим

повелеваешь всему сущему. Ведомо Тебе, что я юн и неопытен в такой хитрости и коварстве. Защити меня, Всемогущий, от рук сего лукавого, чтобы не дрогнул разум мой от злобного его лицемерия, ибо я никогда не отрину любви Твоей и не отрекусь от имени Твоего. Да станут руки Твои тверды во спасение мое, ибо Тебе поклоняется душа моя и к Тебе обращено упование мое и я готов ко смерти за святое имя Твое». И затем умножил он молитвы и воздержания жарче прежних.

VII. Однажды безбожный царь восседал на пиршестве со своими сотрапезниками во многих утехах и веселии. Пригласили они и этого боголюбивого царя, и сидел он рядом с ним. А были те дни сорокапустя. И таким образом восседали они и было великое веселие. Тут он понудил его отведать рыбы. А понуждал он упорно исполнить его повеление съесть рыбу. Но сему блаженному были чужды слова насильника, ибо он с детства был воспитан и взращен в посте, подобно Даниилу. И говорил он ему: «Не положено, о, царь, в эти дни святого сорокапустя вкушать рыбу, ибо так уложено святыми, и я никогда не преступлю пределов отцев и уложений их. И ежели же нынче повинюсь тебе и вкушу рыбы, то затем ты вновь понудишь меня съесть мясо, и так понемногу распадется всякий канон. Ведомо же тебе, царь, что я – христианин и никогда не повинюсь таковому твоему повелению и слышать не хочу слов твоих по этому поводу. Мне лучше смерть моя, нежели сменить и толику веры моей». И прежде чем тот продолжил бы его понуждать, (Луарсаб) стремительно встал и бежал от лица его и спешно ушел в свой шатер. И по тому, как он поступил, стало тяжело неверному царю и счел это надругательством над собой. Ибо он выискивал повода (именно) такого, потому как желал заточения его.

VIII. И потому как он этого возжелал, то так и поступил. Ибо на заре начала дня отправил людей и схватили царя боголюбивого, Божьего помазанника, прелестную лилию, всесторонне блистательно сотворенного, непринужденно явленную жертву, агнца, приуготовленного на заклание. Ибо нечестивый сей тиран забыл страшную клятву, которую он дал, и великие обещания, не устыдился величия его, не пощадил благолепия его, не уважил миропомазания его и происхождения его от Пророков. Все это запамätовал нечестивый. И спешно повелел лишить его всякой чести и величия, и отправили его в землю Ширазскую, лишив всякой надежды, кроме двух слуг, коих ему сопроводили, а затем и они вместе с ним украсились мученичеством. И заточили его там на год в темницу во множестве горестей и бед. Неверный полагал, что подобные страдания сломят его твердость за веру его, и говорил: «Неужто и эти и прочие многообразные попытки не заставят его покориться и отказаться от имени Христова?» Но сей трижды блаженный был тверд, подобно алмазу, в борьбе с испытаниями. И наипаче отдал он себя рвению и трудам и ввел разум свой в непрестанные молитвы и воздержания. И молил Владыку о помощи Его укрепить в сих подвигах.

IX. А насильник день ото дня справлялся о делах и решениях (Луарсаба), что и как ведет себя, или что он решил, ибо полагал отвращения его от любви ко Христу и затем ожидал обращения его в нечестивую веру. Но познал он твердость и неизблемость разума его, которые имел он о Христе, ибо осведомляли (шаха), а именно: «Невозможно отринуть его от любви к вере своей, ибо сколько не вещают ему об (ожидаемых) его мучениях или сулят даров и все больших почестей, все это он не ставит ни во что и даже не задумывается, хотя и говорили ему и напоминали о бедах и страданиях, либо почестях и милостях, коли повинуется воле твоей и отречется от веры своей и от имени Христа».

Услышав все это, неверный тиран воспылал великой злобой сердца, подобно печи пылающей и исторгал чад гнева из пасти своей. И, посоветовавшись со своими приближенными, говорил: «Ежели приведем его и поговорим с глазу на глаз, а он вновь противостанет воле нашей и не покорится, – это великий стыд для нашего величества, ибо он восхитителен словом и мудр разумом и нам не по силам одолеть его. Однажды он уже ослушался нас, когда мы понуждали его вкушать рыбы, но разве сейчас он послушается нас и отринет веру свою? Но вновь отправим к нему знатных из наших вельмож и там же пусть понудят отречься от веры. И ежели покорится и

отречется от веры Христовой, будет воля наша и мы также не откажемся от нашего обещания, которое прежде дали. Но ежели он вновь оскорбит волю нашу и воспротивится нам, то в той же темнице да получит он возмездие за непокорность нам и там же накажем его лютой смертью, ибо потому как уповает он на мертвого, пусть и он же получит лютую смерть.

X. Сказал он это и спешно отправил людей, ему же подобных своей свирепостью. Сначала наставил как и прежде говорить льстивые и ласкательные слова, сулить много даров и почестей, а затем стращать бедами и мучительством. И ежели ничему этому не внемлет, сообщить ему, что в той же темнице выведут его из этой жизни. Этот безумный тиран, пообещав столько даров и почестей, полагал: «Он покорится воле нашей, либо продлением страданий и угрозой смерти он сжалится над юностью своей и уважит благолепию своему и вместо горькой смерти избрет желанную жизнь и покорится воле нашей». Однако безумный насильник стрелой и луком полагал поразить наш алмаз, что тверже скалы, ибо он во всем избрал Христа и смерть за него почитал паче желанной, нежели преходящую жизнь и мгновенное царствование свое, дабы вечно царствовать и радоваться во Господе Христе.

Когда люди, присланные шахом Аббасом, доложили повеление неверного и предлагали ему благие почести и славу мира сего и говорили ему о царстве и господстве и множестве прочих даров и славе. И опять же стращали кончиной и жестокой смертью, ежели он не покорится самодержавной воле. Говорили это и премного прочего и упрасивали его и уговаривали. И чего они только не говорили ему и чего только не предпринимали для того, чтобы совратить сего блаженного! Но он отвергал все их слова. Не взирал он ни на славу, ни на почести, и не страшился он ни истязаний, ни смерти, но из всего избрал Христа, ибо Его возжелал и Ему поклонялся и призывал Его и молил Его споспешения и молитвами стремился сподобиться призыва Небесного Венца.

XI. Тогда, видя твердость его, они лишились всякой надежды на его обращение. Принесли лучную тетиву, чтобы через удушение ею вывести его из этой жизни. Он же молил их отпустить ему малость времени помолиться. И когда он получил просимое, пал ниц, извергая потоки слез, молился и говорил: «Владыко Иисусе Христе, Тебе ведомо, что хотя я и грешен, но я не знаю никого вне Тебя с Отцем Твоим беспредельным и всеблагим Светом животворящего и всесвятого Духа. И Тебя я возлюбил и к Тебе я примкнул и во имя святое Твое желаю я смерти моей. Ибо Тебя я избрал из всех и Тебе я положил все упования мои. И ныне я молю, о, Владыко, прими душу мою и спаси ее от сил защитников пустоты. Ты, всеблагий, прими в жертву сей недостойный мой поступок и удостой меня быть со святыми Твоими и не лишай меня славы их. Молю Тебя, Всемогущий, защити церковь Грузии от истребления, спаси от засилия неверных и суеты еретиков, и веру непорочную так же, как и всегда и ныне и до скончания утверди незыблемо, дабы всяким славилось Всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа единобожия и царствования и ныне и присно и во веки веков, аминь».

Тут он восстал от молитвы и затем принял святое Таинство плоти и крови Господней, которые он скрытно имел при себе, ибо невмочь там было разыскать священника и таким образом он сам себя причастил. А затем он причастил и двух тех своих слуг, которые сложили головы свои за него, но паче за Христа. И потому как и он, эти сложили души свои за Господа, чтобы с Ним блаженствовать вечно. Затем он велел палачам исполнить данное им повеление. Стремглав натянули лучную тетиву и так задушили трижды блаженного сего ученика Христова и заодно с ним обоих слуг его.

XII. И так умер всеславный оный мученик и таким образом достиг вожделенного начала и восхитился в Царствие Небесное пред Царем всего тварного, где восседает Царь царей и Владыка владык, пред Которым стоят в страхе и трепете тысячи тысяч и тьмы тем бесплотного воинства и где сияет в неотразимом блеске Святой Троицы. Там радуется сонм святых Апостолов, веселится собор Пророков, где царит стан первосвященников и отцев и паче все святое воинство всеблистательных мучеников, с

коими он воссоединился и в коих он обретает и радуется, где звучит торжественный шум, свет незатененный, сияние неотражимое, вечная отрада и веселие беспредельное, обилие неизбывное и слава превосходная. Там он радуется силою жизни и там он веселится и славится от нас славою недосыгаемою и несказанною.

XIII. Теперь мы вновь обратимся к слову нашему, которое мы оставили выше и скажем об останках его величества. И возрадуем слух ваш. Зрите злодейство сего неверного тирана и блистательную отвагу мученика, как один из них по безжалостности в злом коварстве уподоблялся насильнику Максимиану, а мученик славному и блистательному среди мучеников Димитрию. Потому как, заточив его в темницу, не смел предстать пред ним лицом к лицу, ибо стыдился славы его и посрамления мудрыми словами его, и там же в темнице приговорил его к смерти. Таким же образом и сей неверный решил в заточении покончить с ним через удушение. О, мудрость промысла Твоего, Спаситель! О, бездна милости Твоей, яко возвыцаешь уповающих на Тебя, ибо не обделил и сего желанного (чести) уподобиться величайшему среди Пророков Даниилу и божественным ревнителям трех святых отроков, яко один из них звериную пасть сомкнул воздержанием и втроем погасили огненный пламень, также и сей муж пасть царя-зверя лютого посрамил и, подобно оным святым отрокам, погасил огонь молодости и царство и славу земную презрел, чем он также смертию уподобился великому мученику Димитрию, как о том я говорил, и там же в темнице принял кончину.

И дабы кто-нибудь не сказал, а именно: «Хотя и был сей святой убиен за Христа и любовь к Нему, но, как нам известно, прочие святые предшественники испытали невероятные и разнообразные лютые пытки, стали венценосны и свершали великие чудодействия, а об этом, о коем ты говоришь, мы подобного не слыхали». Мы же на все это ответим: невежественные в муках о Господе, о, столь малодушные мерители великого Суда Божия, скольким святым малая толика усердия была вменена в большую и полную меру, как глазами зримое и вписанное в книгу по подобию словам Пророка, и ежели бы я этого не сделал, узрят глаза твои и в книге твоей все записано. Что думаете вы об этом всхвальном и трижды желанном царе? Не по воле ли своей оставил он сие земное царство? Разве не предлагали ему, как и многим другим множество даров и щедроты богатств? И все это зачтено ему сором?

И уважил ли он благолепию своему и мужеству? Не отринул ли он юность свою блистательную, благородство свыше, потомственно восходящее к Пророкам? И пощадил ли он сиротство свое и отсутствие преемника в царстве своем? И не презрел ли он все сущие и мыслимые радости, к которым так пристрастны любители мирского? Все это не сполна ли отринул он? И не развеял ли он все это, словно прах и вместо всего того возлюбил Христа и смерть заменил беспредельной жизнью. И подобно Павлу Исповеднику ушел из этой жизни через умерщвление в заточении, как тот блаженный был убиен арианами за исповедание Истины, так и этот за правую веру и Святую Троицу был умерщвлен неверными.

Дайте мне позволение сказать малость и тем самым завершить слово мое. Кто был превыше Иоанна Крестителя, превосходство которого над всеми когда бы то ни было рожденными женщиной подтверждено самой Истиной? Потому как покуда Он был во плоти, мы ничего не слыхали о Его чудодействиях. Который принял смерть, не подвергаясь мучениям в заточении от меча неверного Ирода. Точно так же сей трижды желанный в темнице принял скончание, ибо скончался в немногие дни и заполнил время долгое, согласно словам Соломона, ибо роскошь старости не в долготе времени и отсчитывается не числом лет, но седины суть разум человеческий и непорочность старческого возраста. Итак, умер он в немногие дни ежели можно назвать немногим великий подвиг его, и наполнил многие времена. Ибо осведомленный во всем, Судия сердец и помыслов, был сведущ и в твердости разума его и в незыблемости огненного блеска его любви к Нему. Эта смерть зачтена ему многообразными и премногими смертями и потому, что если бы его постигли все виды мученичества, все он вынес бы со всем мужеством. Так и случилось: неверные грозили

ему премногими и пружуткими мучениями, а он мужественно и с бесстрашным разумом готов был вынести все обрушившиеся на него тягчайшие страдания и смерть. И не одну, и если бы был случай, многожды он принял бы смерть. И те безбожники потому и торопились ускорить его смерть, что стыдились честности его и отваги. Поэтому и отчаялись в надежде обращения его (в ислам). И тут же умертвили всежеланного сего ученика Христова Луарсаба, и он – венценосный – взошел в Царствие Небесное пред Владыкою всего сущего.

XIV. И в то же время с Небес низошел светящийся Столп и стал на том доме, в котором лежало увенчанное подвигами его натруженное тело, чудное в мужестве и отваге к чести за его подвиги. И сей Столп был долгозрим и днем и ночью, и те, которые его видели, говорили: «Велик Бог христианский, за Которого он был убиен». А мощи сего мученика лежат там же, в доме, построенном в виде склепа. И до сих пор никто не дерзнул забрать его, тогда – из страха перед персами. Да и сейчас лежит оно там же недвижно и незыблемо, покуда не изволит Господь явить его и одарить нас им, сокровищем нашим великим, которым обогатила нас милость Божия. Мы же восславим давшего ему силу и увенчавшего его Христа, Кому надлежит всякая слава, честь и поклонение купно с беспредельным Отцом и Всесвятым Духом и ныне и присно и во веки веков, аминь.

Примечания

¹ Грузинская агиография XVIII в. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. V. (Изд. Э.П. Габидзашвили и М.Н.Кавтария). Тбилиси, 1989. С. 136–201 (на груз. яз.).

² *Март Н.Я.* История Грузии. Культурно-исторический набросок. СПб., 1906. С. 35.

³ Там же. С. 38.

⁴ Цит. по: *Кекелидзе К.С.* История грузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 349 (на груз. яз.); см. также: *Очерки истории Грузии.* Т. IV. Тбилиси, 1973. С. 431 (на груз. яз.).

⁵ Там же.

⁶ Обширное ее жизнеописание в агиографическом жанре см.: Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. V. С. 5–32 (на старогруз.яз.); см. также: *Асатиани Л.* Поэтессы Древней Грузии. Тбилиси, 1936. С. 29–36. (на груз. яз.).

⁷ *Арчил.* Нравы Грузии // Наше сокровище. Тбилиси, 1960 (на старогруз. яз.); *Джанашия С.Н.* Взгляды на феодальное воспитание и просвещение в Грузии XVII века // *Джанашия С.Н.* Труды. Т. 2. Тбилиси, 1952. С. 503–504 (на груз. яз.).

⁸ *Дон Кристофоро де Кастелли.* Сведения и Альбом о Грузии. Дешифровка текста, перевод, иссл. и комм. Б. Гиоргадзе. Тбилиси, 1977. С. 86. Аналогичные сведения имеются и у других иностранцев, в ту же эпоху побывавших в Грузии (А. Ламберти и др.).

⁹ *Кекелидзе К.С.* Указ. раб. С. 342.

¹⁰ См. *Джавахишвили И.А.* Древнегрузинская историческая литература. // *Джавахишвили И.А.* Соч. Т. VIII. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

¹¹ *Очерки истории Грузии.* Т. IV. С. 243 и сл.

¹² *Кекелидзе К.С.* Грузинки при дворе шаха Аббаса I // *Кекелидзе К.С.* Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. IV. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

¹³ *Эгнаташвили. Б.* Новая история Грузии. // *Картлис Цховреба.* Т. II (Изд. С.Г. Каухчишвили), Тбилиси, 1959. С. 394–395 (на старогруз. яз.).

¹⁴ *Аракел Даврижеци.* Книга историй. Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян М., 1978. С. 121.

¹⁵ *Вахушти Багратиони.* Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1973. С. 426 (на старогруз. яз.).

¹⁶ *Столетняя история* (Изд. Р.К.Кикнадзе), Тбилиси, 1987. С. 179 (на древнегруз. яз.).

¹⁷ См. *Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640.* Документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. Полиевктов Тбилиси, 1937.

G.V. T s u l a y a. From Georgian Agiography History: «King Luarsab's Martyrdom» (ethnocultural aspect)

The author analyses agiographical literary work «King Luarsab's Martyrdom». This work is dedicated to fight of Georgians against Persian's conquests.